

Дальнее — близкое — эпизод 30 из 31

Переход на режим ученической квартиры дался не без трудностей. Мне казалось диким, что нельзя выбегать на улицу со двора даже в «свободные» часы. Не менее удивляли и обязательные сидения за учебниками в течение двух часов. На деле же это оказалось необходимым и своевременным. В сущности, до этого я лишь учил наизусть стихотворения, большая часть которых была мне знакома раньше, а тут пришла пора заниматься более основательно. Чтоб ясней было, напомним, что подготовка в начальных школах того времени была очень разная. Кроме школ земских и министерских, существовали еще церковно-приходские. Если первые две группы школ не могли похвастаться отпускаемыми им кредитами, то в последних это сводилось к совсем ничтожным суммам. Предполагалось, что духовенство бесплатно сумеет найти время для занятий в школе. В действительности этого не было. И на те жалкие средства, какие имелись, нанимался учитель. Разумеется, «соответственный». В силу этого про церковные школы и говорилось: «Не столько там учат, сколько тень на образование наводят». Я же учился в земской школе, где был «настоящий учитель» и даже были «дополнительные предметы за счет завода». Иначе говоря, ходил регент заводского хора и обучал «певучих ребят», а также чертежник, учивший нас черчению и рисованию. Конечно, все это было «чуть-чуть» и направлялось к поиску «склонных», которых потом забирали в хор или в заводскую чертежную, но все же это кое-что давало. Да и учебный год в заводских школах был гораздо длиннее, чем в сельских, где он начинался после уборки хлебов и кончался с началом весенних полевых работ. Так как среди учеников нашего училища было много из церковно-приходских школ, то мое положение было преимущественным, и я вначале мог вовсе не заниматься.

В училищной квартире жило девять человек разного возраста. Трое — мои соученики, двое — великовозрастных, не один раз остававшихся на «повторительный» курс, и четверо третьеклассников, которые уже причисляли себя к старшим. Оба великовозрастные были из «тихих зубрил». Они надоедали разве тем, что не давали повозиться и пошалить во время «вечерних занятий». Из третьеклассников был один «охочий позадаваться», но физические его возможности были ограничены, и, когда мы, первоклассники, в какой-то игре дружно его отлупцевали, он стал с нами на равную ногу. Вообще мне, как видно, повезло: ни в какой квартире, ни потом в

общежитии не помню, чтоб кто-нибудь обижал и притеснял меня как малыша. Вошел в новую для меня жизнь просто, без особых трудностей и переживаний.

У садинского дома было одно ценное качество. Он находился рядом с верходановским садом, на угловом участке которого достраивалось наше общежитие. Сад занимал тогда большую часть квартала между нынешними улицами 8 марта и Разина. Вдоль улиц Декабристов и Разина шли аллеи старых плакучих берез, к улице 8 марта примыкал участок, засаженный частью хвойными, среди которых было несколько кедров, и частью молодыми липами в возрасте пятнадцати — двадцати лет. Видно было, что за липовым участком наблюдали, деревья были расположены правильными рядами, сходящимися к центру. Липки выращены ровные, прямые, самые удобные для лазанья. Вблизи достраивавшегося дома было полуразрушенное кирпичное здание, похожее на склад. Мне казалось, что это развалины оранжереи, вроде той, какую приходилось видеть в «господской ограде» своего завода. Мои товарищи это оспаривали, уверяя, что тут была бумажная фабрика Верховданова; но эти споры не мешали считать развалины интересным местом для игры.

Значительная часть участка была все-таки пустырем, заросшим репейником и крапивой. Посредине имелись два небольших озера, которые тоже представляли для ребят большой интерес зимой как катки, а весной, при полной воде, как место для плавания на плотках. Училищное начальство усиленно боролось против последнего использования озерков, снижало баллы по поведению, но все-таки это крепко держалось.

«Садинская квартира», то есть те девять человек, которые там жили, были первыми, «обосновавшимися на новом месте». Владелец дома Сергей Вавилыч проделал в своем заборе калитку, и мы на законном основании, не выходя на улицу, могли носиться по огромному пустырю, прятаться в развалинах, кататься — с оглядкой, впрочем, — на плотиках, которыми служили полотнища каких-то ворот, обрезки досок.

Ребята, живущие в других квартирах, а также казеннокоштные, ютившиеся в самом училищном здании, завидовали нам и усердно расспрашивали, как идет достройка, скоро ли всех переведут на верходановский участок. Когда началась осенняя ловля птиц, это место стало и боевым участком. Городские ребята, жившие по улице Разина, привыкли пользоваться старыми березами для установки силков и западенок, но теперь у них появились полноправные конкуренты из «садинской квартиры», и, как водится, началась война, к обоюдному удовольствию сторон.

